

**О СВОЕОБРАЗИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМ,
НОМИНИРУЮЩИХ ВИТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ,
В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ**

*Жизнь есть движение, а потому и благо жизни не есть
известное состояние, а известное направление движения.
Л.Н. Толстой*

Семантическая реконструкция аксиологически маркированной лексики расширяет объект лингвистических наблюдений и вводит в научное обращение новые факты, связывающие своеобразие национальных языков с ментальной культурой народа, что свидетельствует об актуальности проблематики исследования.

Примером концептуальных лексем, номинирующих витальные ценности, являются рус. *жизнь, здоровье, возраст, сила, век*; бел. *жыццё, здароўе, узрост, сіла, моц, век*. Показательно, что большинство лексем, именующих соответствующие концепты, общеславянского или церковнославянского происхождения. Показательно не только сходство русских и белорусских языковых фактов, что очевидно вытекает из генетической общности, но и взаимозаменяемость лексем, выражающих витальные ценности. Так, слово *жизнь* могло семантически пересекаться с лексемой *век*, *век* – с лексемой *сила*. Слова *жизнь, здоровье и возраст, сила* и в современных языках находятся в одном ассоциативном ряду.

В связи с несомненностью семантического сходства при диахроническом анализе языковых фактов больше внимания уделялось дифференцирующим лексическим и семантическим элементам.

Основной лексемой с доминирующим значением жизнедеятельности в русском языке является лексема *жизнь*. Вторичность этой лексемы в русском языке подтверждается исторически. Церковнославянское слово появилось на Руси в переводных текстах духовного содержания XI века и «с самого начала было книжным – высоким и торжественным. Сочетания его с другими словами в предложении показывают, что *жизнь* всегда соотносится с понятием вечной, Божественной, духовной жизни». В XVIII веке слово широко вошло в русскую разговорную речь [1, с. 79].

Точным соответствием русскому литературному слову *жизнь* в белорусском языке является слово *жыццё*, хотя в говорах встречаются и другие слова, правда, с более конкретным значением: *жытка, жытло, жывоце*. Слово *жывет* сохраняет многие архаичные значения, например: ‘желудок’, ‘брюхо’, ‘пузо’, ‘пожитки’, ‘дом’, ‘скот’, ‘сила’, ‘жизнь’ [2, с. 71]. «Самыми общими словами для выражения жизненного процесса, характерными для восточных славян с древнейших времен, были лексемы *живот* и *житие* (*жить*). В процессе длительного семантического обобщения происходило либо вытеснение одного из них (обобщение *жить, житие* в украинских и белорусских говорах), либо проникновение третьего слова (*жизнь* в русских говорах)» [2, с. 73].

По своей форме слова *жизнь* и более архаичные *живот* и *житие* (*жить*) различаются не случайно. Развившаяся современная концептуальная семантика мотивирована формально. Слово *живот* образовано от основы настоящего времени, соотносится с определением *живой*, поэтому закономерно лексема сохраняет способность обозначать физическую сторону биологической жизни человека. Слово *житие* образовано от основы инфинитива при связи с супином, поэтому в его семеме сохраняются семы не полученного, а добытого существования, поэтому в средневековой системе ценностей слово стало обозначать формы социально установленной жизни. Слово *жизнь* представляет собой отглагольное образование, содержащее неосложненный корень производящей основы и суффикс с модификационным абстрактным значением. «Высокая абстрактность при прямом отвлечении от смысла глагольного корня обеспечивала – и при том уже в историческую эпоху – высокий смысл слова: оно обозначало признаки и условия духовной жизни» [3, с. 126].

На смену свойственным языческому сознанию бинарным эквивалентным оппозициям христианская культура противопоставляет троичное восприятие сущностных явлений. К концу XVI века окончательно складывается парадигма физического, социального и духовного элементов, которые закрепляются лексико-семантически: *живот* – *тело*, *лицо*, *существо* (субъект); *житие* – *душа*, *личина*, *сущность* (форма воплощения); *жизнь* – *дух*, *лик*, *суть* (идеал). «В основе корреляции лежит градуально-иерархический принцип, фиксирующий диалектическое развитие (и отраженным образом – его постижение) от низменного земного к возвышенно небесному. Все подчинено выявлению, изложению и тем самым оправданию подобного соотношения ценностей» [3, с. 231].

Идеальное непосредственно связано с реальным через установленную иерархическую систему, реализуясь в семантике конкретных лексем, актуализируя потенциальные семы. Сравним в связи с этим современную переносную семантику и сочетаемость прилагательных *животный* ‘только физиологический, не контролируемый сознанием, разумом’ (*страх*, *ненависть* и др.), *житейский* ‘обыденный, свойственный повседневной жизни’ (*опыт*, *дело*, *бури*, *хлопоты*, *привычки*, *склонности* и др.), *жизненный* ‘важный для жизни, общественно необходимый’ (*интерес*, *вопрос*, *центр* и др.).

«Согласно мифопоэтической традиции, жизнь считалась порождением Логоса, Божественной мысли, претворяющейся в Слове (звуке) и свете» [4, с. 154]. Следует учитывать, что «в каждом типе культуры возникает своя иерархия ценностей и ценностных измерений. <...> Процесс развития культуры всегда сопровождается переоценкой ценностей» [5, с. 123].

Справедливо считая религиозно-нравственный критерий основополагающим для языковой картины мира Средневековья, Т.И. Вендина приходит к выводу, что «главные составляющие человеческого бытия – сама жизнь, здоровье, человеческие связи, любовь и дружба, собственность – были весьма относительными ценностями в сознании средневекового человека. Истинный идеал лежал в совершенно иной сфере – в благочестии и смирении, в ощущении собственной греховности и вины и отсюда – в покаянии, в страдании и терпении, кротости и смирении, в подвиге аскезы, размышлении о Боге и спасении своей души. Поэтому основным ценностным критерием в Средневековье была душеполезность» [6, с. 301].

Однако диахроническое изучение языковых фактов и их концептуальной составляющей позволяет утверждать значимость витальных ценностей в аксиологической иерархии. Косвенным подтверждением тому является степень употребительности соответствующих лексем. Например, в старославянских памятниках слово *жизнь* встречается более ста раз, а глагол *жити* – более двухсот [7, с. 222].

Кроме того, языковой материал дает возможность соотнести духовные и витальные ценности. На основании фактов старославянского языка Т.И. Вендина приходит к выводу, что «богатство в понимании средневекового человека – это прежде всего жизнь <...> И в этом смысле оно «дар Бога», <...> ибо Бог – **ЖИЗНОДАВЦЬ**, творец всего сущего на Земле» [6, с. 191]. Здесь следует учитывать семантику старославянского слова *ЖИТИЕ* (‘жизнь’ и ‘богатство’) и внутреннюю форму лексемы *БОГАТСТВО* с исходным корнем *Бог-*. «Лишь в той мере, в какой сама *жизнь* (во всех ее формациях) *есть* носитель ценностей, которые в абсолютно объективной иерархии ценностей обладают определенной высотой, лишь в этой мере она фактически *имеет* эти ценности. Но такая "иерархия" может быть постигнута только в *духовных* актах, которые не обусловлены витально. <...> Лишь в той мере, в какой существуют духовные ценности и духовные акты, в которых они постигаются, *жизнь как таковая* - отвлекаясь от дифференциации среди витальных ценностных качеств - обладает некоторой ценностью. Если бы ценности были "относительны" к жизни, то *сама жизнь не имела бы никакой ценности*. Она сама была бы безразличным к ценностям бытием. Но все возможные ценности "обоснованы" *ценностью бесконечного личностного духа и "миром ценностей"*, существующих для него» [8, с. 304-318].

Поэтому идея духовного движения была присуща лексемам, отражающим витальные ценности. Например, семантика развития, изменения, роста свойственна внутренней форме слов старославянского происхождения *жизнь*, *возраст*. Соответствующие семы можно обнаружить в составе семем языковых единиц, входящих в лексико-семантические группы здоровья и силы. Витальные ценности рассматривались как составляющие ценностей духовных, бывших «этапом восхождения к ценностям божественным (ср. классическое выражение Григория Богослова: «Человек тварь, но он имеет повеление стать Богом»)). Именно поэтому в старославянском языке так сильно выражена активная жизненная позиция средневекового человека, ориентированного на волевое, деятельное преобразование реальности в его борьбе за высшие для него ценности» [6, с. 303].

Такая работа над изучением семантической эволюции витальных лексем является источником этнокультурных сведений и убедительным подтверждением мысли Ф. И. Буслаева о том, что «духовное бытие каждого народа выражается в языке». Внутренняя форма русских и белорусских лексем, отражающих витальные ценности, определяет их концептуально-ценностную характеристику, характеризует языковую личность, свидетельствует о включении представления об идеальном в языковую картину мира.

Языковые факты являются источником этнокультурной информации, поэтому велика роль народной духовной культуры в их семантической интерпретации. Это утверждение бесспорно. В то же время требует исследования обратное явление – анализ смыслов, утраченных церковнославянским, книжным словом, но сохраненных этнокультурной средой. В этом отношении особый интерес представляют термины народной духовной культуры, например: терминология семейной и календарной обрядности, лексемы, обладающие статусом мифологем.

Как известно, «всякое физическое действие связано с движением, которое в традиционной народной картине мира наделяется лишь самым абстрактным значением и служит приметой жизни, «этого», земного мира в противоположность неподвижности как характерному признаку смерти, «того», загробного мира» [9, с. 461]. Эта мысль подтверждается лингвистически: доминантным значением современных базовых лексем *жизнь* (бел. *жыццё*) оказывается «особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития». Однако сохраняемая связь с глагольной производящей базой в обоих языках способствует сохранению исходных сем развития, требующего активности живого существа, возникающего из противоречия между возможностью и реальностью.

Наиболее очевидна семантика движения в понимании его как горизонтального перемещения, пути. Однако в народной духовной культуре движение «по горизонтальной оси всегда в той или иной степени соотносится с идеей возведения, обозначения или преодоления границы между своим и чужим пространством <...> В меньшей степени это характерно для движения по вертикали, которое часто имеет характер продуцирующего магического действия, способствующего росту, возрастанью. Значительно реже такое осмысление получает горизонтальное движение» [9, с. 465]. Учет культурной информации позволяет проникнуть в глубинную семантику названия христианского праздника *Воздвижение*, имеющего прозрачную внутреннюю форму, мотивированного воздвижением креста, символа спасения человеческого рода, императрицей Еленой в IV в. Этот церковный праздник восходит к более архаичной традиции. Он приходится на время после осеннего равноденствия, когда в небе становится виден Млечный Путь, осмыслявшийся как небесный мост, по которому движутся человеческие души. Воздвижение креста, символически соединяющего сакрально организованные пространства Неба и Земли, также может быть интерпретировано не только как образ Мирового дерева, но и как мост, или путь, воплощающий человеческую жизнь, *воз-движение* как развитие человека, восхождение его духа. «Изоморфность христианского и языческого воздвижения креста подчеркивается и строгой локальной характеристикой – их размещением в сакральном центре: Воздвижение Креста на Голгофе – священном «пупе» Земли, откуда берет начало Мировое дерево» [10, с.

515]. Актуализация внутренней формы темпорального термина наблюдается в его народной этимологии: «Сонца двігаецца»; «Дзвіжанне – гадэюкі здзвігаюцца ў кучу» [10, с. 515].

Представление о кресте как символе духовного восхождения, требующего значительных усилий и напряжения, отразилось в семантике фразеологизма *нести крест свой*, судьбу свою, мирские бедствия: *Тяжел крест, да надо несть; Бог по силе крест налагает* [11, т. 2, с. 190-191]. Интересное соотношение воли Бога и человеческого устремления находим в объяснении Л.Н. Толстого: «Крест, который несет человек, состоит из большой отвесной части, представляющей волю Бога, и малой поперечной части, представляющей волю человека. Приведи свою волю в одно направление с волею Бога, и не будет креста» [12, с. 525].

Изучение семантической истории церковнославянской по происхождению лексемы *путь*, способной метафорически обозначать жизнь человека, приводит к аналогичным мыслям. Так, при очевидной членимости квалифицируются как непроизводные современные русские лексемы *путный, путевый, путешествовать, путать, препятствовать*. Восстановление внутренней формы опорного слова *путь* помогает оживить словообразовательные связи, выявить истоки образности и объяснить национальную специфику отдельных речевых формул и ритуальных действий. И. Бродский назвал внутреннюю форму «следом, оставленным взглядом на вещи». Этот мировоззренческий след запечатлен в этимологической семантике слова *путь* – ‘преодоление, дорога, изобилующая опасностями’. Лексема же *дорога* с исконным значением ‘расчищенное место; долина’ лишена была сем трудности, препятствия, преодоления. Следы исходной семантики обнаруживаются в тавтологическом, с современной точки зрения, сочетании *путь-дорога*; сравним разговорное значение *пути-дороги* ‘о чьей-нибудь долгой и непростой жизни, о чьих-нибудь сложных судьбах’. Актуализация внутренней формы наблюдается в русских пословицах *Где дорога, там и путь. Где торно, там и просторно*. Выражение *скатертью дорога* первоначально было лишено негативной коннотации. Уезжавшему искренне желали удачи, ровного и гладкого полотна дороги, да еще и махали платком на прощание. Символика ритуального действия и образная основа слова находятся в однозначном соответствии. В этой связи заслуживает комментария и русская поговорка *Ночь как день; дорога как скатерть – садись и катись*. Показательна невозможность замены компонента *дорога* в пожелании *скатертью дорога* рассматриваемым синонимичным, как невозможна и противоположная замена в выражении *туда и дорога*. Восприятие естественности надлежащей трудности пути нашего подтверждается языковым материалом: *пути не будет* ‘не будет удачи’; *всё путём* ‘все как надо’; *путник* ‘человек, держащий путь, идущий далеко’; *непутевый* ‘человек, не находящийся на пути; делающий что-то неверно’; *беспутный* ‘человек, не имеющий (сбившийся со) своего пути, заблудившийся’. Истоки первичной семантики проявляются в русских пословицах: *Добрый путь, да к нам больше не будь; Нужный путь Бог правит; Бог пути кажет* [11, т. 4, с. 543]. На фоне приведенного материала становится очевидной образная основа метафорического обозначения жизненного пути человека.

Таким образом, изучение русских и белорусских слов, отражающих витальные ценности, позволяет говорить о межъязыковых особенностях воплощения генетически единых понятий. Из-за исторически обусловленного большего церковнославянского влияния на русский язык в нем закрепляется лексема с глубинной семантикой, характеризующей духовную сторону жизни, в белорусском языке – социальную сторону жизни. Однако сохраняемая связь с глагольной производящей базой в обоих языках способствует сохранению исходных сем развития, требующих активности живого существа, возникающих из противоречия между возможностью и реальностью. Показательно, что доминантным значением современных базовых лексем оказывается ‘особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития’. Именно глубинной семантикой определяется концептуальное наполнение соответствующих лексем и тенденции семантического развития, а семантическая реконструкция из узкоспециальных становится методом проникновения в онтологические проблемы, бывшие прежде предметом изучения смежных научных дисциплин.